

ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ О ЛЮБВИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О НЕЙ В ЭТОЛОГИИ

*Любовь к Богу внушает тому,
кто причастен ей,
презирать всякое преходящее наслаждение,
всякую боль и скорбь. Все святые,
с радостью претерпевшие все это ради Христа,
убедят тебя в этом.*

Преподобный Максим Исповедник¹.

Христианская апологетика имеет давнюю историю полемики с приверженцами теории эволюции. Аргументация обеих сторон достаточно хорошо известна и не имеет особых новаций, несмотря на то, что теория Ч. Дарвина развивается и совершенствуется в социобиологии, эволюционной психологии и этологии. Представители этих наук, такие, например, как Р. Триверс, Д. Симонс, Д. Моррис, Э. Уилсон, Р. Докинз, Д. Вильямс, а из наших соотечественников А. Протопопов, утверждают, по сути, все то же, что и их учитель в своем труде «Происхождение видов» (1859). Понимание природы наследственности приводит их к выводу о том, что всем в живой природе управляют гены², на которые влияет внешняя среда, или, точнее, по-научному — СЭА (среда эволюционной адаптации). Предлагают в связи с этим новое понимание

¹ Максим Исповедник, прп. Творения. Кн. 1. Аскетические и богословские трактаты. М., 1993. С. 115.

² В современной генетике отсутствует представление о гене как о некоей локализованной единице. (См.: Льюин Б. Гены. М., 1987.)

и новое определение естественного отбора: «Побеждают гены, способствующие выживанию и воспроизводству копий себя»³. С точки зрения богослова это никак не усиливает антирелигиозную базу эволюционистов, а, наоборот, только создает им новые трудности, ведь теперь к двум неизвестным (зарождение жизни и появление самосознания человека) добавляется третье — появление генов (или механизма синтеза белков). Их объяснение, кстати, заранее известно — господин великий случай. Для богослова же понимание природы наследственности — это аргумент в пользу бытия Творца вселенной, Который вложил в живую природу не только способность приспособляться, но и механизмы сохранения видов: *и сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее* (Быт. 1, 21).

Сегодня этологи заключают, что гены определяют все в человеке. «Альтруизм, сострадание, сочувствие, любовь, совесть, чувство справедливости — все это скрепляет общество и дает людям основания для высокой самооценки. И все это, как теперь можно уверенно полагать, имеет твердый генетический базис», — пишет в своей книге «Моральное животное» Р. Райт⁴. Согласно новой парадигме неodarвинистов именно гены создали мораль и стали причиной религиозности сознания человека.

В современной этологии, как известно, существует два направления: консервативное (К. Лоренца) и новаторское. Мы намеренно не рассматриваем позицию вторых и не касаемся ее научной критики, которая существует в весьма обстоятельных трудах⁵. В нашем докладе мы обратим свое

³ Райт Р. Моральное животное. Ч. 2. С. 6 // http://www.knigonosha.net/section-5/section-5-9/3858-Moralnoe_zhivotnoe-Rajt_Robert.html

⁴ Там же. С. 8.

⁵ См. для примера: Панов Е. Этология — ее истоки, становление и место в исследовании поведения. М., 1975.

внимание только на представление этологов о любви и причинах ее возникновения для того, чтобы сопоставить его с христианским учением о любви, поскольку это имеет практически важное значение для человека.

Этологи указывают, что альтруизм как источник любви появляется вместе с двуполым размножением. Действительно, разнополые существа должны иметь сильный объединяющий инстинкт, в противном случае эволюционный смысл двуполого способа размножения и сопутствующие ему генетические выгоды теряют всякий смысл. Именно поэтому у двуполых организмов по преимуществу возникает взаимопомощь, приводящая их к последующей социализации. Подобное явление наблюдается у всех организмов, практикующих двуполый способ размножения, начиная с царства насекомых. Альтруизм эволюционирует и у высших приматов: превращается в сложную эмоцию, имеющую непосредственную связь с инстинктом размножения, ибо в основе любви лежит либидо — сильное половое влечение. Таким образом, изначально любовь внеморальна и утилитарна. Поскольку человек представляется «прапра-пра...внуком» шимпанзе и, возможно, гиббонов, то естественно, что к нему это имеет самое непосредственное отношение. Моногамность вида *homo sapiens*, например, уступает таковой у гиббонов. Вот что пишет Р. Райт: «Гиббоны малосоциальны. Каждое семейство занимает очень большой территориальный участок, иногда больше сотни акров, что неплохо защищает его от внебрачных развлечений. И гиббоны прогоняют любых пришельцев, которые могли бы украсть партнера или попользоваться им. Мы же, напротив, эволюционировали в больших группах, изобиловавших выгодными альтернативами в смысле генов и преданности. Наша главная отличительная черта — высокие мужские родительские инвестиции. В течение сотен тысяч лет, а может, и больше, естественный отбор приучил

мужчин любить своих детей, наградив их чувством, которым женщины наслаждались несколько предыдущих сот миллионов лет эволюции млекопитающих. За это же время естественный отбор наградил мужчин и женщин чувством любви друг к другу (по крайней мере — «любви» в очень широком смысле слова, нечасто достигающей той глубины преданности, которая обычна между родителем и ребенком). Однако, любовь это или не любовь, но мы — не гиббоны»⁶. Моногамность у людей, как считают этологи, сложилась довольно поздно. Как считает Р. Райт, по мере увеличения человеческого мозга моногамность, вероятно, зависела от культурного программирования. «Дети с двумя родителями могут иметь более высокий образовательный уровень, чем дети, которых воспитывает только один. Интересно, что естественный отбор как бы принимает это исчисление выгоды и преобразует результат вычислений в чувство — в частности, в ощущение любви. И не только любви к детям; первый шаг к формированию прочной родительской единицы — и для мужчины, и для женщины — сформировать сильное взаимное влечение»⁷. Но такая любовь не может быть идеальной: «чтобы полностью оценить, насколько велика дистанция между идеализированной любовью и практически реальной версией любви у людей, мы должны ... сфокусироваться не на эмоции как таковой, а на абстрактной эволюционной логике, ее воплощающей. В чем состоят соответствующие генетические выгоды самцов и самок у видов с внутренним оплодотворением, длительным сроком беременности, длительной зависимостью младенца от молока матери и довольно высокой мужской родительской инвестиционности? Обозрение этих выгод проясняет пути понимания того, как эволюция не только изобрела романтическую любовь, но и с самого начала

⁶ Райт Р. Указ. соч. Ч. 1. С. 61.

⁷ Там же. С. 38.

развратила ее»⁸. Поясняя мысль о нравственном несовершенстве любви, этологи приводят факты убийства из-за нее детенышей у животных (лангуры) и детоубийства в древних племенах. У Р. Райта читаем: «Детоубийство на почве неверности было приемлемо в различных человеческих обществах. Известны две культуры, в которых требовалось, чтобы дети у выходящих замуж женщин “с прошлым” были убиты. В культуре охотников-собирателей Аче (Парагвай) мужчины иногда совместно убивали новорожденного, у которого не было отца. <...> Гены, обеспечивающие подсознательную чувствительность мужчин к намекам на то, несет или нет этот ребенок его гены, процветали»⁹. И это потому, что «единственная причина, по которой естественный отбор изобрел отеческую любовь, состояла в предоставлении поддержки потомству»¹⁰, а «главная задача любви — привлечь к женщине мужчину, который будет достаточно хорош для ее потомства»¹¹. Именно поэтому любовь практична или даже корыстна: «Любовь, как и ненависть, существует только из-за ее **прошлого** вклада в распространение генов. На уровне генов любовь к родному брату, детям или супругу совершенно корыстна, так же как и ненависть к врагу»¹².

Этологи утверждают, что несмотря на свое происхождение, любовь выгодна объективно: «Понятно, что ненависть чаще, чем любовь, наносит вред с ощущением правоты. Именно поэтому я (Р. Райт. — В.П.) заявляю, что новая парадигма скорее приведет думающего человека к любви и отдалит от ненависти. Она помогает нам судить о каждом чувстве по его объективным достоинствам; а при оценке объективных качеств любовь обычно побежда-

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 45–46.

¹⁰ Там же. С. 71.

¹¹ Там же. С. 64.

¹² Там же. Ч. 4. С. 18.

ет»¹³. В то же время с позиции естественного отбора любовь у человека выглядит как генетическая ошибка: «Вечно меняющийся, по почти вечно неравный баланс привязанностей и обязанностей между родителем и ребенком — один из самых глубоких и наиболее сладко-горьких опытов жизни. Что показывает, как неточны могут быть гены, открывая и закрывая напши эмоциональные краны. Хотя вроде бы нет веского эволюционного смысла посвящать время и энергию старому, умирающему отцу, немногие из нас захотят или смогут повернуться к нему спиной. Упрямое ядро семейной любви сохраняется вне ее эволюционной полезности. Большинство из нас, возможно, довольны этой неточностью генетического управления, хотя, конечно, нет способа узнать, каким бы было наше мнение, если бы средство управления работало точно»¹⁴.

Итак, представление о любви в этологии выглядит следующим образом: любовь — это сложная эмоция высших приматов по преимуществу вида *homo sapiens*, имеющая в основе либидо и альтруизм как генетически обусловленные инстинкты организмов с двуполом размножением. И хотя Р. Райт называет любовь «драгоценным эволюционным ресурсом»¹⁵, в парадигме неodarвинистов, по сути, она остается лишь средством эффективного воспроизводства и транспортировки генов.

Если оценить такое представление о любви с точки зрения православного богословия, то его можно соотнести со святоотеческим учением о плотской любви человека, находящегося в состоянии поврежденности грехом.

Согласно Священному Писанию и учению отцов Церкви любовь по плоти, или плотская любовь, основана на сильном влечении, которое вложено в природу Богом как одно

¹³ Там же. С. 19.

¹⁴ Там же. Ч. 2. С. 16.

¹⁵ Там же. Ч. 1. С. 72.

из средств спасения человека. «Бог создал пол в предвидении возможности — по именно только возможности — греха, чтобы сохранить человечество после грехопадения»¹⁶. Сохранить — не только по природе, но и нравственно. Святитель Иоанн Златоуст так говорит о семейных узах: «В самом деле, если бы люди просто появлялись на свет, то никто не имел бы расположения ни к кому. Если уже теперь, когда есть отцы, дети и внуки, многие не имеют попечения о многих, то тем более тогда»¹⁷. Мысль о «естественности» плотской любви встречаем и у преподобного Максима Исповедника¹⁸. Однако в результате грехопадения телесная природа или телесность вообще заняла в человеке не подобающее ей место — стала главенствовать. Для человека такое состояние губительно, как говорит пророк Давид: *но человек в чести не пребудет; он уподобится животным, которые погибают* (Пс. 48, 13), поэтому требуется изменение или, точнее, исцеление его природы, а человек, рожденный от воды и Духа, должен смирять тело, покоряя его духу. Как верно замечал В. Лосский, «от нас требуется не только восстанавливающее человека целомудрие брака, но также — а может быть, и прежде всего — возвышающее его целомудрие монашества»¹⁹.

Между тем христианское учение о любви кардинально отличается от представления о ней в этиологии. В новозаветном Откровении мы находим самое высокое и самое совершенное учение о Боге. Христос открыл миру истину о том, что Единый Вечный Бог есть Святая Троица, Которая пребывает в вечной и совершенной Любви, ибо *Бог есть Любовь* (1 Ин. 4, 16). Святитель Григорий Богослов писал:

¹⁶ Лосский В.Н. Догматическое богословие. М., 1991. С. 246–247.

¹⁷ Иоанн Златоуст, свт. Творения. Т. 11. Кн. 2. Толкование на первое послание к Фессалоникийцам. СПб., 1905. С. 561.

¹⁸ См.: Максим Исповедник, прп. О любви в четырех сотнях. М., 1845. С. 44, 72.

¹⁹ Лосский В.И. Указ. соч. С. 248.

«Если бы у нас кто спросил: что мы чествуем и чему поклоняемся? — Ответ готов: мы чтим любовь»²⁰. Эта Божественная любовь не является самостоятельной природной силой или энергией, но действует и проявляется через Лица или Ипостаси Святой Троицы: Отца и Сына и Святого Духа. Эта Божественная любовь проявилась в творении мира и еще более явственно в спасении человека: *Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3, 16). Крест Христов, на котором Он принес Себя в Жертву для спасения человека, есть величайшее свидетельство этой любви.

Учение о том, что Бог есть любовь, имеет самое непосредственное отношение к человеку. Человек создан как носитель образа Божия (см.: Быт. 1, 26–27) и призван к богоподобию. Он призван быть таким же совершенным в любви, как и его Отец Небесный: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48) — говорит Христос после наставления о том, что необходимо любить всех и даже врагов: *Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас* (Мф. 5, 44). Целью жизни для человека должно быть совершенство в любви, ибо без нее пропадает смысл бытия, без нее человек расчеловечивается. Именно поэтому Христос и дает заповеди, в которые укладывается все ветхозаветное и евангельское учение: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мф. 22, 37–39).

Для того чтобы лучше уяснить новозаветное учение о любви, необходимо вспомнить, что в древнегреческом языке для обозначения различных видов любви использовались

²⁰ Григорий Богослов, свт. Собр. творений: В 2 т. М.: ТСЛ, 1994. Т. 1. С. 338.

различные слова. Так, для обозначения любви с более или менее страстным характером, имеющей, как правило, похотливый, сексуальный элемент, использовался глагол *ερεο*. Именно этот глагол необходимо употреблять, описывая плотскую любовь. «Отличительной чертой эротического чувства является то, что оно действует в человеке не только помимо его воли и разума, но часто и вопреки им; человек делает не то, что желал бы в спокойной рассудительной обстановке, но предается в стихию объявшего его чувства»²¹. «Для обозначения дружбы или интереса к какому-либо занятию в древнегреческом мире использовались существительное *φιλία* и глагол *φιλεο* (отсюда происходят слова «филология», «библиофилия» и др.). Это понятие подразумевает участие в процессе любви не только слепого чувства, но и естественной склонности воли, хотя по-прежнему сохраняется значение произвольной симпатии: человеку порой трудно объяснить, почему математика ему нравится больше, чем физика, и по какой причине ему приятнее общаться с соседом по парте, а не с другим ближним»²². Но наиболее употребительным в Священном Писании для обозначения любви является греческий глагол *αγαπαο*. Именно он стоит во всех многочисленных текстах Ветхого и Нового Заветов, где говорится о любви Бога и о любви к Богу (см.: Втор. 4, 37; Втор. 10, 15; Пс. 25, 8; Мф. 22, 37–39; Мк. 12, 30–31; Лк. 6, 27 и др.). Значение этого глагола лучше всего можно понять с помощью заповеди о любви к Богу Христа Спасителя, которую мы уже приводили. Господь говорит: **Возлюби Господа Бога твоего *всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим*** (Мф. 22, 37). Таким образом, любовь — это не только чувство, но и волевое

²¹ Юревич Д., диак. Учение о любви в Священном Писании и современной психологии. С. 1 // <http://www.reshma.nov.ru/psychology/pastirskaja/loveinbible.htm>

²² Там же. С. 2.

усилие в свете разума. Это духовная любовь в ее высших проявлениях, и она возможна по отношению даже к врагам, когда ни дружба, ни симпатия невозможны²³.

Учением о любви пронизано все апостольское и святоотеческое учение. У апостола Павла находим знаменитый гимн любви: *Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею [дар] пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что [могу] и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает* (1 Кор. 13, 1–8). Но достичь такой любви, стяжать ее своими силами невозможно именно потому, как уже говорилось, что человек стал телесным, плотным, ветхим. Святитель Игнатий Брянчанинов пишет: «Не подумай, возлюбленный брат, чтоб заповедь любви к ближнему была так близка к нашему падшему сердцу: заповедь духовна, а нашим сердцем овладели плоть и кровь; заповедь — новая, а сердце наше — ветхое»²⁴.

Святой Максим Исповедник в начале своего труда «О любви в четырех сотнях» дает глубочайшее понимание того, что есть истинная любовь и как она приобретает:

«1. Любовь есть доброе расположение души, по которому она ничего из существующего не предпочитает познанию Бога. Не может достигнуть любви сей имеющий пристрастие к чему-либо земному.

²³ Там же. С. 2.

²⁴ Игнатий Брянчанинов, свт. Сочинения. М., 1993. Т. 1. О любви к ближнему. С. 123–124.

2. Любовь рождается от бесстрастия, бесстрастие от упования на Бога, упование от терпения и долготерпения. Сие последнее содержится в воздержании. Воздержание от страха Божия, страх от веры в Господа.

3. Верующий Господу страшится наказания. Страшась наказания воздерживается от страстей. Воздерживающийся от страстей терпеливо сносит скорби. Терпеливый в скорбях приобретает упование на Бога. Упование на Бога отрешает ум от всякого земного пристрастия. Отрешенный от сего ум получит любовь к Богу»²⁵.

Истинная любовь не имеет практически ничего общего с тем, что мы называем плотской любовью. У святителя Игнатия Брянчанинова читаем: «Возлюби ближнего по указанию евангельских заповедей, — отнюдь не по влечению твоего сердца. Любовь, насажденная Богом в наше естество, повреждена падением и не может действовать правильно. Никак не попусти ей действовать! Действия ее лишены непорочности, мерзостны пред Богом, как жертва оскверненная; плоды действия душепагубны, убийственны»²⁶. Следует обратить внимание на то, что в отличие от плотской любви, которая действует как природная сила, а значит, может обезличивать человека, истинная духовная любовь именно личностна, подобно тому как личностна и Божественная любовь. Для обретения подлинной любви нужен личный подвиг, усилие личности человека, проявляющееся в подвиге духовной борьбы. Не очистивший свое сердце от грехов и страстей не может обрести истинной любви.

Только после многих трудов борьбы с грехом и страстями, когда сердце человека очистится, можно говорить о достижении совершенной любви. Преподобный Максим Исповедник пишет: «Когда не говоришь и не делаешь и в мыслях ничего порочного, когда не злобисься на оби-

²⁵ Максим Исповедник, *прп.* О любви в четырех сотнях. М., 1845. С. 7.

²⁶ Игнатий Брянчанинов, *свт.* Указ. соч. С. 124.

девшего и злословившего тебя, и когда во время молитвы имеешь ум постоянно отрешенный от вещества и образов: то знай, что ты возрос в меру безстрастия и совершенной любви»²⁷. Сказанного вполне достаточно, чтобы понять принципиальную разницу оснований тех учений, которые мы рассмотрели.

С позиции этологии любовь — это производная естественного отбора, определяемая генами альтруизма, возникшими в недрах еще не во всем понятного, изумляющего своей точностью²⁸ и грандиозностью процесса синтеза белка, и закрепленная как выгодный поведенческий инстинкт. По сути своей любовь — это либидо, определяющее влечение полов и у человека сильно окрашенное эмоциями.

Для христиан любовь — это, прежде всего, Сам Бог. Любовь — это творческая сила, которая лежит в основе тварного мира. Любовь — это то, чем живет горний, ангельский мир. Любовь — это, по слову апостола, совокупность совершенств. Любовь — это единственный соответствующий природе человека способ бытия. Любовь — это подлинная жизнь человеческого духа.

Этолог А. Протопопов в своей статье²⁹ приводит высказывание Ф. Ларошфуко: «Истинная любовь подобна призраку: все о ней говорят, но никто ее не видел». Но ведь всем хорошо известно, что можно *видя не видеть* (ср.: Мф. 13, 13). Истинная Любовь — та, которую явил миру Христос Спаситель. Это та любовь, которая сияет в святых, это та любовь, которую стремится возыметь в душе своей каждый истинный ученик Христа. Прекрасно говорит об этом святой Максим Исповедник: «Многие сказали многое о любви, но только ища ее среди учеников Христовых, ты обретишь ее, ибо одни они

²⁷ Максим Исповедник, *прп.* Указ. соч. С. 68.

²⁸ См.: Льюис Б. Гены. М., 1987. С. 114.

²⁹ Протопопов А. Трактат о любви как ее понимает жуткий зануда // <http://www.koob.ru/protopopov>

имеют Учителем любви истинную Любовь, о которой говорится: *Если имею [дар] пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание... а любви не имею, нет мне в том никакой пользы* (1 Кор. 13, 2–3). Стяжавший же любовь стяжал Самого Бога, поскольку *Бог есть любовь* (1 Ин. 4, 16). Ему слава во веки. Амишь»³⁰.

РОЛЬ РЕЛИГИИ

В ПРОИСХОЖДЕНИИ И РАЗВИТИИ НАУКИ

До сих пор часто приходится слышать устаревшие штампы о том, что христианская Церковь боролась с наукой и уничтожала ее создателей. Чаще всего упоминаются в этой связи Джордано Бруно и Галилео Галилей. Однако неоспоримым, но малоизвестным является тот факт, что именно христианство внесло решающий вклад в возникновение научного мышления. Чтобы выяснить влияние религии на зарождение науки, кратко рассмотрим историю ее возникновения в связи с распространением христианства.

Прежде всего, мы должны будем констатировать, что современная наука возникла именно в христианской цивилизации. Предпосылки к ее возникновению, отдельные открытия и изобретения были, конечно, и в Древнем Египте, Древнем Китае, Древней Греции, и на арабском Среднем Востоке, но современная наука оформилась в начале Нового времени в христианской цивилизации¹, в Западной Европе, на рубеже XVI–XVII веков. Не в иудейском, мусульманском, языческом или атеистическом мирах родилась наука, а в мире христианской догматики. Причем сами создатели научной парадигмы были людьми весьма религиозными².

¹ См.: *Легойда В.* Мешают ли джинсы спасению. Опыт современной апологетики. М., 2007. С. 120.

² См.: *Кураев А., диак.* Диспут с атеистом. М., 2007. С. 132.

³⁰ *Максим Исповедник, прп.* Творения. Кн. 1... С. 145.